

## **Войлок в традиционном быту калмыков: художественная обработка**

Felt in the Traditional Life of the Kalmyks: Felt Crafts

*С. Г. Батырева (S. Batyreva)*<sup>1</sup>

<sup>1</sup> доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: sargerel@mail.ru

Ph. D. in Art Studies (Doctor of Art Criticism), Leading Scientist of the Department of History, Archeology and Ethnology Department at the Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: sargerel@mail.ru

**Аннотация.** Произведения декоративно-прикладного искусства монгольских народов представлены в музейных собраниях России: Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры), Российского этнографического музея, Музея имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН и Национального музея Республики Калмыкия имени Н.Н. Пальмова. Статья посвящена войлочным изделиям из музеев России, в которых представлена предметами хозяйства и быта традиционная культура монголоязычных nomads. Изучая культурное наследие Калмыкии, автор обращается к музейным собраниям России. Коллекции требуют комплексного изучения, сочетающего в музееведческом направлении методы искусствоведения, истории, этнокультурологии. Актуальным аспектом исследования является рассмотрение этнических традиций художественной обработки войлочных изделий.

**Ключевые слова:** калмыки, культура, музеи России, коллекции, искусство nomads, войлок, культурное наследие, традиция.

**Abstract:** Works of applied and decorative arts of Mongolian peoples are represented in a number of Russia's museum collections, such as Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), the Russian Museum of Ethnography, Palmov National Museum of the Republic of Kalmykia, Zaya Pandita Museum of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. The article studies felts from Russia's museums exhibiting household utensils and objects of traditional culture of Mongolian nomads. Investigating Kalmykia's cultural heritage, the author turns to museum collections of Russia. The latter require comprehensive studies that would combine methods and practices of art criticism, history and ethnoculturology. The study is relevant enough since it examines ethnic traditions of felt crafts.

**Keywords:** Kalmyks, culture, museums of Russia, collections, tradition, art of nomads, felt, cultural heritage, research.

Изучение художественных традиций культурного наследия Калмыкии предполагает обращение к народному декоративно-прикладному искусству как части традиционного наследия, связанного с бытом и скотоводческим хозяйством монголоязычных номадов [Сычев 1970, табл. 1, 2].

Традиционное жилище полностью отвечало потребностям кочевого образа жизни, отражая хозяйственный уклад и быт народа. Кибитка представляла собой сборно-разборное деревянное в конструкции войлочное жилище *ишкэ гер*. Деревянный остов ее состоял из 6–12, а иногда 16 складных решеток *терм*, поставленных по кругу, на головки которых опирались деревянные длинные жерди *уньн*, вставлявшиеся заостренным концом в отверстие массивного дымового круга *харач* с перекрестием *цаһрг*. Остов покрывали кусками хорошо прокатанного войлока, который привязывали к деревянным частям кибитки шнурами и веревками, изготовленными из шерсти овец и конского волоса. Двухстворчатая дверь жилища калмыков была ориентирована на юг, завешивалась войлочным пологом с наружной стороны. Верхний круг служил дымоходом для очага и днем — световым окном [Эрдниев 1970: 126–134; Калмыки 2010: 121–136; и др.].

Хорошо свалянный войлок для кибитки не пропускал влагу, удерживал тепло зимой и прохладный воздух летом. В кочевой жизни легкий и прочный войлок был удобен для транспортировки. Для изготовления войлока требовалось много шерсти, и калмыки разводили овец такой породы, которая давала не только мясо, но и длинную плотную шерсть. Покрытие кибитки состояло из отдельных, специально изготовленных определенного размера войлочных частей: двух больших широких и четырех несколько меньших по размеру — верхних (крыша), шести небольших и нешироких — нижних, вокруг шести решеток (остова), одной четырехугольной — на дымоход, и одной двойной, которая натягивалась над входом.

Скотоводческое хозяйство давало калмыкам-кочевникам все необходимое для жизни: пищу, одежду, топливо, материал для изготовления удобного транспортабельного жилья и других

сравнительно немногочисленных предметов кочевого быта. Технология изготовления войлока была отработана веками кочевнической жизни. Перед валянием чистую промытую и высушенную шерсть, отсортированную по цвету, подвергали тереблению. Шерсть пушили и очищали от сора: из шерсти выбирали грубый волос и свалывшиеся комки. Ее били на сыромятных шкурах *оца* тонкими палками *сава* до тех пор, пока она полностью не очищалась. После битья, которым руководила опытная женщина, хозяева кибитки готовили работникам угощение. Распушенную и очищенную шерсть скручивали в свертки *мошкарин ноосн* в 1,5–2 м длиной, их хранили и перевозили в больших кожаных суммах *тулм*.

Войлок валяли весной и осенью, как правило, группами однокотонцев. На старый войлок раскладывали ровным слоем очищенную распушенную шерсть и мочили горячей водой. Подготовленную укладку, где лицевой слой был белого цвета, сворачивали в рулон и обвязывали веревками. Равномерно поворачивая, сбрасывали на землю или деревянную кибиточную решетку *терм*. Шерсть били в течение дня, периодически меняя влажную подстилку на сухую и смачивая молочной сывороткой. Затем войлок сушили на солнце. В процессе ручного валяния, требовавшего немало физических затрат в основном женщин и детей, войлок получался ровным и плотным.

Легкий и прочный, пыле- и влагонепроницаемый войлок — универсальный материал в кочевом хозяйстве — использовался не только для покрытия кибитки *ишкэ гер*, разборного и переносного жилища. Из него делали подстилки на кровать *девскр*, циновки *ширдэ*, валяные чулки *өөмсн*, конские и верблюжьи потники *эмэлин тохм*, рукавицы *барул* для горячих котлов и прочее. Из поколения в поколение передавались традиционные приемы художественной обработки войлока, шедшего на покрытие мобильного жилища *ишкэ гер* и других войлочных изделий в традиционном хозяйстве [Батырева 2006: 33–38; 2013: 99–103; 2016: 10–12].

Г. С. Лыткин описывает, как делали калмыки в XIX в. войлок с узором из валяной шерсти другого цвета: «Валяный войлок на-

стилают, выкладывают крашеною шерстью узоры, поливают кипятком и вместе с подложенным войлоком бережно свертывают и обвивают веревками из конских волос. Затем бросают свернутый войлок в течение нескольких часов на землю, отчего шерсть сваливается. Затем валяют войлок руками, чтобы он везде был плотен и ровен уже в развязанном виде» [Лыткин 1859: 314]. Обрядовая сторона трудоемкого процесса оформлялась традиционным пожеланием получения прочного и красивого войлока, сопровождавшимся жертвенными возлияниями жидких молочных продуктов.

Ручной способ выделки войлока был характерен не только для калмыков, но и для алтайцев, киргизов и западных бурят, в отличие от тувинцев и монголов, использовавших верховых лошадей для его валяния [Потапов 1953: 211; Потанин 1881: 107]. Подобные свидетельства позволяют выделить круг наиболее тесных этнических контактов в истории культуры ойратов и калмыков, проливающих свет и на истоки древнего искусства войлоковаления.

Из поколения в поколение передавались традиционные приемы художественной обработки войлока, шедшего на покрытие мобильного жилища *ишкэ гер* и других войлочных изделий в традиционном хозяйстве кочевников. Интересное свидетельство оставил средневековый путешественник Вильгельм Рубрук, описывая монгольское кочевое жилище XIII в.: «Перед входом они (женщины. — С. Б.) сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей» [Путешествие...1957: 90]. Лесные сюжеты этих изображений, искусно выполненные в технике войлочной аппликации, достаточно красноречивы для понимания истоков традиционной культуры народа. Войлочные изделия ойратов, вышедших в свое время из лесных районов Приангарья на степные пространства Восточной и Центральной Азии, по всей вероятности, были близки звериному стилю художественного войлока из Ноин-Улы. Войлочное жилище украшалось не только приемами аппликации. Так, В. Рубрук свидетельствует о росписи шейки юрты, поднимающейся наподобие печной трубы: «...ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы

он сверкал ярче, а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок они украшают красивой и разнообразной живописью» [Путешествие... 1957: 91].

На кибиточное покрытие, как правило, шел войлок больших размеров, который требовалось менять каждые 3–4 года. Состояло покрытие из четырех плечиков *эмг*, четырех стенных полостей *иргвч*, четырех купольных *туурһ*, дверного полога *уудн*, двух верхних *деевр* и для дымового отверстия *өрк*. Внизу стелились войлочные циновки *ширдг*, представлявшие собой белый двухслойный стеганный войлок, обшитый по краю шерстяным шнуром *зег*.

Войлок иногда дублировали менее ценной кошмой серого цвета и простегивали нитью из белой овечьей шерсти. Декор войлочного изделия состоял из поля и бордюра, граница бордюра отделялась от поля строчевыми швами. Узор в основном геометрический, широко варьировался и мог представлять собой косые параллельные линии в сочетании с характерным для калмыцкого народного искусства полукруглым, П-образным или Т-образным меандром. Бордюр у калмыков и западных монголов, в отличие от халха-монголов, обычно не покрывался тканью. Геометрический рисунок стежки, повторяющий форму войлока, у калмыков, по всей видимости, генетически близок стеганому узору ковров ульчей, народности тунгусо-маньчжурского происхождения [Иванов 1977: 374–375]. Интересный факт, указывающий на древний слой культурных связей этнических предшественников калмыков — ойратов. Отметим, узорная композиция калмыцкого войлока имеет свои особенности, отличающие ее от декоративных основ войлочных изделий тюркских народов [Батырева 2013: 102–103].

В постельных тюфяках *девскр* калмычки нередко обшивали войлок по краю тканью, а именно по длинной стороне, которой клали его к очагу. Ранее их делали четырехслойными, к началу XX в. уже только трехслойными и обшивали не сукном, как ранее, а полосатой матрасной тканью. Белый, узорно выстроченный войлок *ширдг* настилался на кровать поверх толстых войлоков *девскр*, обыкновенно обшитых по краям красным сукном. В голо-

ве и ногах лежали длинные войлочные подушки в виде мешков, набитых платьем и другой мягкой утварью. Головная подушка *дербөгц* заготавливалась женихом к свадьбе, по наружному ее краю подвешивалась войлочная лопасть, обшитая черным бархатом, галуном и украшенная вышитыми изображениями коня или знака свастики, креста. Подушка, которая находилась в ногах, — *көл бөгц* — приносилась в приданое невестой [Миллер 1906–1907: 6].

Белые ширдыки, покрытые по борту зеленым, а по центру — красным сукном, предназначались для сановных лиц и священнослужителей. Войлоки, служившие настенными коврами, обшивали однотонной полосой или тканевой аппликацией из треугольников красного и черного цветов. Близка в приемах декора тканевая аппликация на верблюжьем потнике *темәна тохм* и недоуздке *ногт*. На войлочном фоне потника нарядно выглядит апплицированная кайма из ярких суконных треугольников зеленого, красного и черного цвета, обшитых витым черно-белым шерстяным шнуром. Подобная техника тканевой аппликации издревле известна тюркским и монгольским кочевым народам.

Калмычки с малолетства владели традиционными навыками сучения шерстяных ниток, прядения и ткачества. Они пряли овечью и верблюжью шерсть на ручном веретене *иг*. Мастерницами делались маленькие мотки шерсти *туүдг*, шерсть наматывалась на указательный палец левой руки, а правой, подкручивая веретено, сучили нитку, сматываемую в большие клубки. Их использовали для простегивания войлока и тканья кибиточной тесьмы *хошлнг*, которую изготавливали с применением небольшого станка, подробно описанного И. А. Житецким у астраханских калмыков [Житецкий 1892: 78]. По мастерству ее изготовления и художественным достоинствам изделия судили об уровне рукоделия хозяйки жилища.

Стоит добавить, что, кроме войлочных циновок, калмыки пользовались тростниковыми *зегсн ширдг*. Более всего они характерны для быта астраханских, донских, кумских и терских калмыков, проживавших в непосредственной близости к воде. Плетеные камышовые ширдыки использовались аналогично войлочным: для

покрытия кибиток-летников, полов и в качестве постельных принадлежностей. Надо отметить, камышовые циновки были доступнее и экономичнее войлочных, требовавших длительной и трудоемкой выделки и декора мастерицами в процессе их изготовления [Батырева 2006: 38].

Этническое наследие калмыков нельзя представить без войлочной материально-художественной культуры. Коллекции изделий из войлока представлены в указанных музейных собраниях России. Их изучение связано с рассмотрением этнических традиций художественного декора.

### Литература

*Батырева С.Г.* Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: Джангар, 2006. 160 с.

*Батырева С.Г.* Войлок в калмыцком быту, художественная обработка // Искусство войлока в тюркском мире: история и современность. Материалы Международного симпозиума (Казань, 29–30 января 2009 года) / авт.-сост. Р. Р. Султанова. Казань: Изд-во «Заман», 2013. С. 99–103.

*Батырева С. Г., Батырева К. П., Манхадыкова Е. Н.* Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты. Путеводитель. Элиста, 2016. 108 с.

*Житецкий И. А.* Астраханские калмыки. Наблюдения и заметки. Астрахань: Тип Астраханского листка, 1892. V + 214 с.

*Иванов С. В.* Ульчские ковры 20-х годов. К проблеме художественного наследия // Полевые исследования Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1977. С. 374–375.

Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с. (Народы и культуры).

*Лыткин Г.С.* Калмыцкие записки. История калмыцкого народа // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 44. Оп.1. Ед.хр. 215. Автогр. (1859). Ч. II. 173 л. (347 с.).

*Миллер А. А.* Материалы по калмыцкой этнографии. Рукопись, зарисовки, фотографии (1906–1907) // Сектор рукописей Государственного музея этнографии. Ф.1. Оп. 2. Д. 403. 29 л.

*Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1953. 444 с.

*Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып.2. СПб.: Изд-во (в четырех выпусках): Вып. 1, 3 — Тип. В. Безобразова и Комп. (СПб); Вып. 2, 4 — Тип. В. Киршбаума. 1881. 181 с.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. предисл. и коммент. Н. П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. 270 с.

Сычев Д. В. Хальмг улсин эрдм. Альбом. Элиста: Министерство культуры Калмыцкой АССР, 1970. 112 с.

Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

### References

Batyreva S. G. Felt in Kalmyk Life, Art Processing. In: Art of Felt in the Turkic World: History and Modernity. Conf. proc. (Kazan, 29–30 January 2009). R. R. Sultanova (comp.). Kazan: Zaman Publ., 2013. Pp. 99–103. (In Russ.)

Batyreva S. G. Folk Decorative and Applied Art of Kalmyks of 19<sup>th</sup>–early 20<sup>th</sup> Centuries. Elista: Dzhangar, 2006. 160 p. (In Russ.)

Batyreva S. G., Batyreva K. P., Mankhadykova E. N. Museum of Kalmyk Traditional Culture named after Zaya-Pandita. Elista, 2016. 108 p. (In Russ.)

Erdniev U. E. Kalmyks (late 19<sup>th</sup>–early 20<sup>th</sup> cc.): Historical-ethnographic Sketches. Elista: Kalm. Book Publ., 1970. 312 p. (In Russ.)

Ivanov S. V. Ulch Carpets of the 20s. Concerning Artistic Heritage. In: Field Research of Ethnography Institute. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 374–375. (In Russ.)

Kalmyks. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya (ed.). Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (Nations and Cultures). (In Russ.)

Lytkin G. S. Kalmyk Notes. History of Kalmyk People. In: Archive of Orientalists of Institute of Oriental Manuscripts of the RAS. Fund 44. Inv. 1. Unit 215. Autogr. (1859). Part II. 173 sheets. (347 p.). (In Russ.)

Miller A. A. Materials on Kalmyk Ethnography. Manuscript, Sketches, Photographs (1906–1907). In: Sector of Manuscripts of the State Museum of Ethnography. Fund 1. Inv. 2. Case 403. 29 sheets.

Potanin G. N. Essays of North-Western Mongolia. Is. 2. St. Petersburg: Is. 1, 3 Print. shop of V. Bezobrazov and C., Is. 2, 4 Print. shop of V. Kirshbaum. 1881. 181 p. (In Russ.)

Potapov L. P. Essays on the History of the Altai People. In: Sector of Manuscripts of the State Museum of Ethnography. Moscow, Leningrad: USSR Acad. of Sciences, Institute of Ethnography, 1953. 444 p. (In Russ.)

Sychev D. V. Kalmyk Folk Art. Album. Elista: Ministry of Culture of Kalmyk ASSR, 1970. 112 p. (In Russ.)

Travel to the Eastern Countries of Plano Karpini and Rubruk. N. P. Shastina (comment.). Moscow: Geografiz, 1957. 270 p. (In Russ.)

Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks. Observations and Notes. Astrakhan: Print. shop of Astrakhan Bulletin, 1892. V + 214 p. (In Russ.)